

Ян Орловски

Польские евреи в русской прозе времени первой мировой войны : польско-еврейские отношения и русская политика

Studia Rossica Posnaniensia 28, 3-8

1998

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ПОЛЬСКИЕ ЕВРЕИ В РУССКОЙ ПРОЗЕ ВРЕМЕНИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ПОЛЬСКО-ЕВРЕЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И РУССКАЯ ПОЛИТИКА)

POLISH JEWS IN RUSSIAN PROSE OF THE FIRST WORLD WAR PERIOD
(POLISH-JEWISH RELATIONS IN RUSSIAN POLITICS)

ЯН ОРЛОВСКИ

ABSTRACT. The author confirms that anti-Polish and anti-Jewish tendencies were equally strong in Russian politics until 1914 year. During First World War Russia wanted to present herself as a champion of Jews against Polish nationalism. In the years 1914-1916 Russian literature and journalistic writing presented the Polish-Jewish relations in many short stories and articles.

Jan Orłowski, Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej, Instytut Filologii Słowiańskiej, pl. M. Curie-Skłodowskiej 4, 20-031 Lublin, Polska – Poland.

Во многих, давно забытых в России рассказах периода первой мировой войны, тогдашние авторы очень часто затрагивали польские темы. Это объясняется событиями 1914-1917 годов. Россия опасалась тогда, что в случае военного поражения бесповоротно утратит власть над своей частью Польши. Война заставила Россию по-новому взглянуть на „польский вопрос”, пришлось даже обещать полякам самоуправление под скипетром царя. Но русское правительство не хотело тогда отказаться от господства над Польшей. В наше время Александр Солженицын оценил тогдашнюю политику России по отношению к полякам как „упорное вымучивание, как не дать Польше независимость”¹.

В начале войны 1914 года в русской политике и публицистике „польский вопрос” часто рассматривался вместе с „еврейским вопросом в Поль-

¹ А. Солженицын, *Раскаяние и самоограничение как категория национальной жизни*, „Новый мир” 1991, № 5, с. 22.

ше". Россия надеялась, что пошатнувшееся в ходе войны ее господство над Польшей может продлить выдвинутый тогда „еврейский вопрос”, то есть ловкое использование в собственных интересах польско-еврейских конфликтов, что – по расчетам царского правительства – могло дать России „право” выступать в лицемерной роли защитника еврейского населения в Польше от польского национализма.

В русской политике, начиная с конца XVIII века, с одинаковой силой проявились антипольские и антиеврейские тенденции. Национализм и антисемитизм в России (особенно погромы евреев) резко осуждали в начале XX века Толстой, Короленко, Андреев и Горький².

Нашумевший „еврейский вопрос” особенно привлекал внимание русских публицистов и политических деятелей в годы первой мировой войны. Как уже отмечалось, его стали связывать тогда с „польским вопросом”. По понятным политическим причинам в России громче и чаще говорили тогда о польско-еврейских, чем о русско-еврейских отношениях. По библейской правде, легче ведь всегда заметить былинку в чужом, чем бревно в своем глазу. Тенденциозное освещение еврейского вопроса в Польше выразилось тогда во многих статьях в русской печати (особенно в националистической газете „Отечество”) и в книгах *К еврейскому вопросу в Польше* и *Польско-еврейские отношения*³. Автор второй из этих книг, публицист Григорий Ландау писал тогда в статье *Польские общинные комитеты и евреи*, что польским обществом овладел беспощадный и слепой национализм (так автор понимал и оценивал стремление поляков к независимости от чужого владычества). „Под шум мировой войны он продолжает свою частную маленькую войну с еврейством”, – утверждал Г. Ландау⁴.

Антипольская направленность выступлений русских защитников еврейского населения в Польше была сразу замечена и правильно оценена в тогдашней польской публицистике. Известный славист Мариан Здзеховский высказал мнение, что великорусские националисты, наряжаясь в ризы защитников польских евреев, могут со спокойной совестью выступать против независимости Польши⁵.

Без всяких предубеждений оценивал польско-еврейские отношения польский ученый Людвик Крживицкий. Он писал о взаимном недоверии и предубеждениях, которые разделяли тогда поляков и польских евреев.

² См.: С. В е р м е л ь, *Короленко и евреи. (Воспоминания, письма)*, Москва 1924; *Книга о еврейских погромах на Украине в 1919 году*. Редакция и послесловие М. Горького, Москва 1923.

³ *К еврейскому вопросу в Польше. Сборник статей с предисловием Н.К. Полянского*, Москва 1915; Г. Л а н д а у, *Польско-еврейские отношения*, Петроград 1915.

⁴ См.: „Северные записки” 1915, № 1, с. 193.

⁵ M. D z i e c h o w s k i, „Otcieczstwo” a judeo-rusycyzm, „Głos Polski” 1916, nr 43, с. 4.

Евреи боялись погромов и материально пострадали от торгового бойкота со стороны поляков, которые – в свою очередь – обвиняли евреев в том, что они являются заклятыми противниками политической независимости Польши.

В статье *Польско-еврейские отношения* Крживицкий – в отличие от русских публицистов – не разжигал взаимного конфликта. Он утверждал, что война способствует его исчезновению. Вот его мнение:

„Война доказала евреям, что им нечего опасаться погромов со стороны польского общества [...]. Опасение евреев, что поляки ждут лишь момента, когда они смогут перерезать их, должно было исчезнуть среди евреев [...]. Во всяком случае, положение изменилось и настало, быть может, время примирительных попыток. И не только со стороны поляков. И евреи, со своей стороны, должны содействовать тому, чтобы пала легенда о том, будто они враги Польши. Чистейшая эта клевета должна исчезнуть. Впрочем, в сфере политики нечего спрашивать, кто виноват. Раз возможно изменение к лучшему обостренных отношений, так нечего копать в исторических грехах, но следует пользоваться удобным случаем”⁶.

Еврейский вопрос и польско-еврейские отношения в годы первой мировой войны стали темой не только многих высказываний в публицистике, но попали и на страницы журнальных рассказов и очерков. Иногда они были настолько проникнуты духом актуальной и тенденциозной публицистики, что их трудно даже отнести к художественной литературе. Обзор произведений русской военной прозы о судьбах польских евреев стоит начать характеристикой рождественского рассказа *Вечный жид* (1914). Он просто удивляет небывалым накоплением фальши, наивности и накала антипольской пропаганды. Навязчивый дидактизм и политическая тенденциозность проявились почти в каждом его предложении. Его автор скрыл свое имя и стыдливо подписался псевдонимом Чайка.

Героинями *Вечного жида* (действие этого рассказа происходит в прифронтовом городке N. близ прусской границы) являются две девушки: еврейка Ида Моисеевна и россиянка Манечка Тулузина. Они завели разговор о военных событиях, опасностях и отношении поляков и русских к евреям. Тулузина убеждает растерявшуюся Иду в том, как в России уважают евреев и как в то же время ненавидят их поляки. Вот что она рассказывала своей собеседнице:

„У России хорошее сердце, доброе, терпимое ко всем, а поляки... Господи! Я всегда вам, евреям, изумлялась: сколько доверчивости, наивности... патриотизм польский... «Мы поляки Моисеева закона!» Вот они себя показали вам... полякам Моисеева закона!”⁷.

⁶ Л. Крживицкий, *Польско-еврейские отношения*. В: *Война и Польша*, под ред. Л. Козловского, Москва (1914), с. 124-127.

⁷ Чайка, *Вечный жид*, „Женское дело” 1914, № 24, с. 6.

Ида, однако, хотя считает себя гражданкой России, не разделяет этого яростного национализма своей русской собеседницы. Охваченная чувством беспомощности и страха, она жалуется на судьбу своих близких:

„Мы, как и наш народ, обречены на бесконечные скитания, и это не только в буквальном смысле... Мы оторвались от веры отцов и скитаемся по чужим культурам, всюду бесприютные, вечно идущие... вечный жид...”⁸.

Как видно, подстрекательский рассказ *Вечный жид* хорошо служил разжиганию антипольской вражды в России и среди евреев в так называемом „привислинском крае” (то есть, в Польше). Характерно, однако, то, что еврейка Ида сама не высказывает никаких обвинений против поляков, это делает за нее россиянка. Здесь необходимо выяснить еще определение „поляк Моисеева закона”, над которым иронически смеется автор этого рассказа. Так называли себя польские евреи, чтобы не подчеркивать своей отчужденности в обществе, так называли их иногда и поляки, чтобы оказать уважение к их религии.

Автором многих военных рассказов и очерков, в которых героями являются поляки и евреи, был забытый в наше время писатель Яков Окунев (настоящая фамилия – Окунь). По всей вероятности, он происходил из польских евреев, так как хорошо изображал польский колорит в своих произведениях и пользовался в них многими полонизмами, написал даже цикл рассказов *Старая Польша* об обычаях польской шляхты.

Военную драму польских евреев из пограничной местности Пустошка изобразил Окунев в рассказе под таким же заглавием⁹. Очень интересным произведением о судьбах еврейских беженцев является рассказ Окунева *До конца*. Его герой, Леон Авербук, жил до войны в польском городе Здуньска Воля (автор воспользовался здесь подлинным названием), „где у него были месяц тому назад свой дом, лавка, жена и дочь”. Но, когда началась война и пришли немцы, Авербук все потерял – и семью и имущество. Пришлось ему бежать – сначала в Варшаву, а затем в Петроград. По дороге он видел толпы таких же нищих беженцев-евреев. Приехав в Петроград, он перешагнул так называемую „черту оседлости”, за которой – как известно – не разрешалось евреям поселяться в России. На вокзале Авербук подслушал следующие слова одного из еврейских беженцев из Польши: „Польша занята войсками, за Вислой и Неманом война, «черта» стала вдвое меньше, жизнь дороже, Лодзь и Варшава не работают, а людей, которые хотят есть, те же шесть миллионов”¹⁰.

Авербук убедился, что ни в Петрограде, ни за всей, назначенной евреям в России „чертой оседлости” нет для них места. С чувством отчаяния он присоединился к разговору еврейских беженцев и сказал: „– Я говорю:

⁸ Там же.

⁹ Я. Окунев, *Пустошка*, „Голос жизни” 1915, № 13, с. 5-8.

¹⁰ Я. Окунев, *До конца. Рассказ*, „Современный мир” 1915, № 15, с. 122.

сидите на месте. Умирайте в вашем Белостоке или Гродне. Все равно, дальше «черты» не пустят. Молилев или, скажем, Слоним, разве лучшая могила, чем Белосток?»

Рассказ *До конца* овеян чувством безнадежности. В заключительном предложении Окунев написал о своем герое: „И он быстро пошел без дороги и цели...”. Такой развязкой автор выразил трагизм судьбы многих польских евреев, которые лишились своих домашних гнезд во время войны и стали беженцами. Окунев не затронул в этом рассказе шумевшего тогда в русской печати вопроса о польско-еврейских отношениях. Напротив, в его рассказе выразилась критика русской политики по отношению к евреям, у которых было ограничено „чертой оседлости” право выбора места жительства в России.

О тяжелой военной судьбе евреев – не беженцев, но тех, кто остался на польской земле, – писал Николай Вержбицкий в маленьком рассказе *Хиндель* (1916), напечатанном в журнале „Наша родина”. Повествование ведется здесь от имени анонимного бургомистра какого-то городка в южной Польше. Анонимность рассказчика и городка создает впечатление, будто автор, соблюдая военную тайну, описывает подлинные события и правдивых персонажей.

Главным героем рассказа является еврейский мальчик Хиндель, который с большой преданностью помогает пятерым сиротам (все они моложе его) еврея Нуссбаума, погибшего вместе с женой от австрийского снаряда во время обстрела городка. Бургомистр-поляк с восхищением рассказывает об этом подвиге Хинделя, очень его уважает и обещает послать ему мешок муки, чтобы помочь сиротам в трудное время военного года. Свой рассказ он закончил словами: „И пусть меня Бог накажет, если я не pošлю Хинделю воек муки или крупы на кашу”¹¹.

Польское слово „ворек” означает „мешок”. С помощью полонизмов автор создает в этом рассказе местный польский колорит и подчеркивает национальность персонажей. Однако самое важное здесь то, что писатель – в отличие от других тогдашних русских литераторов и публицистов – создал картину мирной и бесконфликтной жизни поляков и евреев в охваченном войной провинциальном польском городке.

В таком же примирительном духе был написан интересный рассказ *Пеструня* (1916) Августы Даманской, который появился в „Ежемесячном журнале”¹². Писательница представила в нем хорошие отношения между поляками и евреями в каком-то маленьком городе на берегу Днестра. Ласкательное слово Пеструня – имя коровы, которая жила у одной польки, пани Попельской. В военное время корову пришлось продать, чтобы

¹¹ Н. В е р ж б и ц к и й, *Хиндель. Рассказ бургомистра*, „Наша родина” 1916, № 11-12, с. 7.

¹² А. Д а м а н с к а я, *Пеструня*, „Ежемесячный журнал” 1916, № 9-10, с. 95-110.

помочь деньгами сыну Стасю. Пеструню купила знакомая еврейка Миреле Шем. Рассказ построен по принципу параллелизма фабульных событий и судеб героев. Обе героини – пани Попельская и еврейка Миреле Шем – были вдовами, у обоих были единственные сыновья – Стась и Гриша, которые учились вместе в одной школе, вместе сидели они в царской тюрьме за подпольную революционную деятельность, оба сражались на русско-австрийском фронте в Карпатах и оба там же погибли.

В рассказе *Пеструня А. Даманской* нет ни следа польско-еврейских конфликтов, в нем мы находим совершенно уникальное освещение тогдашних польско-еврейских отношений. Оно объясняется, по всей вероятности, актуальными в это время в русской политике лозунгами солидаризма разных национальностей, населявших окраины царской империи.

Та же идея и в военных произведениях Вадима Белова, автора книги очерков *Евреи и поляки на войне*¹³. Идею солидарности поляков и евреев перед лицом войны выразил также Виктор Козлов в рассказе *Под грозой*, действие которого происходит в охваченной войной Польше¹⁴. Герой рассказа, гордый польский пан Зиновий Здзитовецкий, до войны презиравший еврея, купца Лазаря Тышского, спасает его, однако из немецкого ареста, рискуя при этом своей жизнью.

Ограниченный объем статьи не позволяет подробнее сказать о других военных рассказах русских писателей, героями которых были польские евреи (*Случайная беда* Дмитрия Цензора, *Паны испортили* Натальи Грушко и др.). В большинстве рассказов о евреях и поляках того периода авторы старались изобразить военные страдания обоих угнетенных народов и одновременно сглаживали разделявшие их конфликты и взаимные предубеждения. Попадались, однако, и такие статьи и рассказы, которые возбуждали ненависть и вражду между евреями и поляками. Независимо от подлинных намерений беллетристов и публицистов, „еврейский вопрос” в годы первой мировой войны тесно сплетался в русской политике с „польским вопросом” и лукаво использовался иногда в антипольской пропаганде русского правительства накануне возрождения независимой Польши после первой мировой войны.

¹³ В. Б е л о в, *Евреи и поляки на войне. Рассказы офицера-участника*, Петроград 1915.

¹⁴ В. К о з л о в, *Под грозой. Рассказы*, Петроград (1915), с. 3-28.